

— Это бродячий лев, мы поймали его в Долине Черепов, — заговорил стоявший у железной клетки молодой человек с надменным видом. Покручивая на пальце перстень с драгоценным камнем, он продолжал растягивать слова: — Похоже, заблудился, кормился отбросами. Смотреть на это было просто невыносимо, и мы решили подарить ему другую жизнь. В этот раз никто не умрёт, играем до первой крови. Если старик победит, все деньги его. Я куплю ему лучшее мясо, позову лучшего ветеринара и смастерю изящную, уютную клетку. А если проиграет... — он выдержал паузу и беспечно добавил: — Приграет — тоже не беда. Я просто ищу развлечений. Деньги останутся вам, а мы на рассвете продолжим путь.

Выслушав эту ахинею, Кевин произнёс коротко и ёмко:

— Мелкий ублюдок.

Освальд нахмурился:

— Я знаю его. Младший сын Сапира, Бот. Мерзкая, крысиная морда, явно не жилец на этом свете. Швыряет деньги на ветер, ищет острых ощущений где только можно. Что касается характера... я разделяю твоё мнение.

Свист в толпе стал ещё громче, особенно усердствовали переодетые прихвостни и лизоблюды Бота.

Владельца Гринийского черноухого волка предложение Бота «спустить деньжата от нечего делать» более чем устроило. Он с готовностью принял ставку и кивнул судье.

Черноухий волк по-прежнему вызывающе кружил вокруг льва, его жёсткий хвост то и дело нахально проходил по лапам зверя. Утробный рык не смолкал в горле ни на миг — казалось, волк совсем его не боится.

Судья поднял увесистый медный колокол и качнул им дважды.

Хозяин черноухого волка нетерпеливо гаркнул:

— Хватит кружить!

Следом взвизгнула стальная плеть, и с влажным хлестом глубоко вспорола шкуру на боку волка, разметав кровавые ошметки. Зверь содрогнулся, взвыл, оскалился и бросился в ответ — с грохотом врезался в прутья клетки. Хозяин резко отдернул руку, привычным движением отскочил назад, отшвырнул плеть и недбросил:

— Пара ударов пробуждает кровожадность.

С налитыми кровью глазами, волк хлестнул себя хвостом, отступил в свой угол, припал на плечи и выгнул спину, принимая боевую стойку.

Кевин вместе с Освальдом, сам того не заметив, пробрался из задних рядов к самому ограждению. Они прижались к прутьям; теперь их от судьи отделяла только клетка, а дверной засов был на расстоянии вытянутой руки.

— Я тебе говорил, что понимаю язык зверей? — под шум толпы тихо спросил Освальд, наклонившись к уху Кевина.

Кевин опешил:

— В смысле?

Освальд, всё так же щурясь глядя в клетку, ничего не объяснил, а лишь задал вопрос:

— Ты боишься львов?

Кевин усмехнулся:

— С чего бы? Прошлой ночью я несколько раз наcostылял этому самому льву.

Освальд мгновенно уловил главное:

— Прошлой ночью?

Кевин осёкся. Проклятье! От радости проболтался.

Освальд протянул понимающее:

— А-а... Ясно. Позже с тобой сочтёмся.

Договорив, он перевёл взгляд на колокол в руках судьи и с сожалением цокнул языком:

— Весьма прискорбно...

Кевин насторожился:

— Что именно прискорбно?

Взгляд Кевина скользнул к руке Освальда, которую тот украдкой поднял, и он смутно догадался, что именно задумал этот безумец.

Судья поднял медный молоток и с силой ударил в колокол.

Дон!

В тот же миг, едва разнёсся звон, огромный, как медведь, черноухий волк взметнулся в воздух, словно тяжёлая стрела, и с яростным воем обрушился на льва, смяв его в стремительном броске.

Два исполинских хищника покатались по земле единым клубком, не в силах затормозить, и с гулким грохотом врезались в прутья клетки. Удар когтистой лапы пришёлся по железу, точно топор, выгнул стальной прут, и просвет между ними резко расширился. Острейшие когти льва и волка, почти не уступавшие друг другу в смертоносности, высунулись в образовавшуюся щель.

Стоявший ближе всех Бот не успел увернуться — острый край сорвал кусок мяса с его руки прямо сквозь рукав.

Толпа взревела. Бот с диким криком, зажимая раненую руку, в ужасе ломился прочь, стараясь убраться от клетки как можно дальше.

Ни владелец черноухого волка, ни судья, ни зеваки понятия не имели, что бой может дойти до такого ожесточения.

— Взбесились! Они взбесились! — толпа взорвалась паническими криками. Люди, давя друг друга, опрокидывая столы и стулья игорного дома, единым потоком хлынули к выходу.

Освальд холодно усмехнулся, глядя на замерших у самого выхода из клетки Бота и его свиту, и закончил фразу, которую не договорил раньше:

— Весьма прискорбно, что ты их не боишься...

С этими словами он рванул засов. Раздался металлический лязг — дверь клетки настежь распахнулась, и прямо на них вывалился клубок из двух огромных тел.

— Бежим! — Освальд схватил Кевина и бросился прочь.

Позади остался истощенный вой Бота. Его приспешники в суматохе окружили хозяина, ломаясь сквозь толпу, не разбирая дороги.

— У тебя с головой всё в порядке?! — на бегу взревел Кевин, которому отчаянно хотелось вцепиться Освальду в ухо и хорошенько проораться.

Освальд перемахнул через игорный стол и, вылетев вместе с Кевином за дверь, нёсся, не сбавляя хода. Только завернув за угол и скрывшись из виду хищников, он смог выдохнуть и рывкнуть в ответ:

— Я же говорю: я слышал, о чём они там переговаривались! Может, отругаешь меня, когда мы уже будем в безопасности?!

Кевин в два счёта взобрался на невысокую стену и, орудуя кортиком, залез на крышу.

— А по чьей, мать его, милости мы вообще в это вляпались?! И ты ещё смеешь оправдываться?!

Освальд, у которого никакого кортика не было, предпочёл промолчать.

Весь этот клочок Земель Скитаний погрузился в кромешный хаос: отовсюду неслись крики и полыхало пламя.

Кевин и Освальд то препирались, а то и порывались вцепиться друг другу пощёчину, но при этом поразительно ловко маневрировали между постройками, то взмывая вверх, то ныряя вниз, в отчаянной попытке поскорее добраться до Зброшенного храма Вороньего Гнезда.

Увы, чересчур виртуозное маневрирование чревато тем, что рано или поздно вынесет прямиком к тем самым хищникам.

Спрыгнув с крыши, Кевин нос к носу столкнулся с вылетевшим навстречу черноухим волком.

Он резко затормозил, но на безумной скорости пролетел по инерции ещё несколько шагов и остановился, едва не уткнувшись лицом прямо в волчий нос.

Кевин замер.

Человек и зверь застыли одновременно, на мгновение лишившись дара речи.

Затаив дыхание, Кевин только и подумал, что за этот короткий день, едва выбравшись из-под земли, он испытал столько адреналина, что, наверное, лучше было оставаться внизу!

Налитые кровью глаза волка дёрнулись, он взревел, и стальные когти, блеснув холодным светом, со свистом обрушились на Кевина.

Кевин запрокинул голову, согнул ноги в коленях и, припав к земле, проскользнул вниз, чудом избежав удара. Но не успел он выпрямиться, как волк замахнулся снова.

— Прочь!

Раздался глухой звук удара тяжёлой плоти. Кевин на миг зажмурился — перед глазами всё поплыло.

Черноухий волк взвыл, всей своей огромной тушей влетел в каменную стену, проломив край кладки, и осел среди каменного крошева.

Освальд стёр кровь с разбитых губ, одним перекатом поднялся с земли и, оказавшись рядом с Кевином, съязвил:

— Дражайший господин Фассбиндер, владелец кортика, в следующий раз опять полезете через стены?

— Ты ещё и возникать будешь?! — Кевин резко толкнул его, и они оба попытались нырнуть в боковой проулок, чтобы убраться подальше от глаз черноухого волка.

Но чёртова тварь, отлетев к стене, вдруг разразилась ритмичным гортанным ворчанием, а затем, задрав голову, издала яростный вой.

Кевин застыл как вкопанный и, схватив рванувшего в проулок Освальда, выдохнул:

— Не двигайся!

Раньше, в гомоне игорного дома, он не мог этого расслышать, но теперь до него наконец дошёл смысл этих звуков. Ритмичный низкий рокот и вой были ему до боли знакомы. Именно так на поле боя обмениваются информацией представители расы гигантских зверолов — словно шифром, в котором не разобраться никому, кроме их собственной звериной породы. Ясно было одно: раз волк издаёт такие звуки, из проулка им уже не выбраться.

Так и случилось.

Перед глазами Кевина мелькнула тень: слепой лев, припадая на одну переднюю лапу, тяжело спрыгнул с невысокой стены и приземлился перед ними, наглухо отрезав единственный путь к отступлению.

— Твою мать! — Освальд, начисто забыв об императорском достоинстве, выругался и инстинктивно прижался спиной к спине Кевина.

Лев, лишённый зрения, всё так же выглядел несколько отрешённым; Кевин даже заподозрил, что он попросту глуповат. Лишь в ответ на рокот и вой черноухого волка у него появлялась какая-то реакция — зверь почти рефлекторно выполнял команды, намертво перекрывая Кевину и Освальду единственный проход.